

Л. С. ХИЧИН

СЕРЕБРЯНЫЕ
КОЛЕСИКИ

издательство
Малыш
1978

Л.ЯХНИН

серебряные
колёсики

сказка

художники

Е.Чайков

и
М.Гран

издательство «Малыш» Москва 1978

Великий и единственный

К

орона его была похожа на пышную колючку репейника, разрезанную пополам. Плащ шуршал, как новогондя обёрточная бумага. Ноги из коротких штанишек торчали, как два кривых пупырчатых огурца.

— Вы кто? — удивился Тима.

— Король!

— Настоящий?

— Самый настоящий. У меня даже усы королевские — вензелем. — И он надменно пошевелил двумя завитушками под носом.

— А что вам здесь надо? — спросил Тима.

— С королями так не разговаривают, — поморщился король. — Следует сказать: «Добро пожаловать, Ваше Величество!»

— Добро пожаловать, Ваше Величество, — сказал Тима. — А что вам надо?

— Я король почтовых марок Кляссер Второй. Почётный член старых Коллекций, Альбомов и прочая, и прочая, и пр-рр! Ты представляешь себе, какой я великий и почти единственный? И вот не кто иной, как я, лишился своего Главного Советчика!

— Куда же он делся? — спросил Тима.

— О, это давняя история! В одно прекрасное утро королева натёрла пол во всём королевстве. А Главный Советчик, ты только подумай! — нажаловался королеве, что я не вытираю ноги. Мне попало. И на меня тут же напал страшный королевский гнев. Я приказал наклеить Главного Советчика на конверт без адреса и послать с королевских глаз

долгой. А теперь у меня стоят все дела. Как быть, ума не приложу. К тому же я не знаю, куда его прикладывать. Верни мне Советчика!

— Но откуда же я его возьму? — удивился Тима.

Классер Второй выставил вперёд левый ус, потом правый и торжественно произнёс:

— Большая марка с моим Главным Советчиком лежит в твоём альбоме. Преподнеси её, то есть его, мне!

— Э, нет! — сказал Тима. — Я за эту марку вчера фонарик отдал. А вы мне что дадите?

— Короли никогда ничего не дают! Зато они берут!

— Тогда и говорить не о чем — не дам! — решительно сказал Тима.

Глаза Классера Второго от гнева закатились под самые брови, потом разбежались к ушам, потом сошлись к носу и потёрлись о переносицу. Глаза катались по лицу, словно две маленькие горошины, прыгающие по кривому блюдцу.

А когда король заговорил, показалось, что это блюдце треснуло посередине.

— Да я тебя! Да я тебе!.. А я тебе другую марку дам. В обман... Э-э, в обмен, — вдруг ласково сказал Кляссер Второй. — В моём королевстве сколько хочешь старых марок.

— Меняться, так уж и быть, согласен, — великодушно сказал Тима. — Берите своего Советчика. Только как мы туда попадём, в это самое ваше королевство?

— Очень просто, — сказал Главный Советчик, который уже суетился около кареты, похожей на большой конверт. — Послушайся моего совета, садись и ни о чём не думай.

— Глаза, глаза ему завязать надо, — проворчал Кляссер. — А то покажи им дорогу — всё королевство по марочке перетаскают.

УЛЫБКИ, АХИ, ОХИ

остовая была выстлана старыми потёртыми марками. Карета подпрыгивала на их зубчатых краях. Кляссер Второй всё время вертел головой, выглядывая в окно, недовольно хмурился.

— Возмутительно! — проворчал он. — Я не слышу приветствий и восхвалений!

Тима тоже выглянул в окно. Вдоль дороги стояли дома под высокими крышами, похожими на треугольные марки. Улица была пустынна.

— Почему так пусто на улицах? — спросил Тима. — Где весь народ?

— Народ?! — изумился Главный Советчик. — Где это ты

видел народ на старых марках? Красоваться на марке достойны только выдающиеся. Например, короли.

— А что в королях выдающегося? — удивился Тима.

— У каждого своё. У одного усы. У другого корона. У третьего живот, — стал перечислять Главный Советчик.

— Ты вот попробуй стать королём, — хмыкнул Кляссер Второй, — сразу и почувствуешь себя выдающимся. Ну где мой Королевский Угодник? — захныкал он.

Тут из ворот одного дома выскочил запыхавшийся толстяк. Он на ходу пристёгивал манжеты и выкрикивал:

— Встречайте короля! Улыбки королю! Вздохи! Охи! Ахи! Всё-всё королю, и никому больше!

— Мало! — недовольно крикнул Кляссер Второй.

— Наш король такой! Наш король сякой! — продолжал выкрикивать толстяк.

Кляссер заулыбался, но тут же снова нахмурился.

— А про сообразительность забыл? — спросил он.

— Минутку! — Королевский Угодник выхватил из кармана мятую бумажку. — У меня всё записано. Король самый. Двоеточие. Аккуратный. Запятая. Аппетитный. Запятая. Нет, не то. Благородный. Запятая. Везучий. Запятая. Опять не то. Вот! Сварливый... Симпатичный... Смешной... Нет, про сообразительность не сообразил.

— Лишить праздничной ватрушки! — рассердился Кляссер Второй.

Тима обернулся к королю.

— Ну и хвастун же вы! — сказал он.

— А как же! Самый хвастливый, — похвастался Кляссер.

СТО ДВЕ ЛЕСТНИЦЫ И ЧЕТЫРЕ СТУПЕНЬКИ

дворца их встретили стражники. Они подняли вверх длинные тонкие трубы и так раздули щёки, будто зачихнули за каждую по большому спелому яблоку.

— Тру-ту-ру-ру! — звук был пронзительный, как автомобильный гудок. Стражники так сильно дули в свои трубы, что несколько лёгких облачков на небе сдвинулись с места, а в одном даже образовалась круглая дырка.

Ворота распахнулись. Кляссер прошуршал своей мантией прямо к дверям дворца. И вслед за ним Тима и Главный Советчик оказались внутри. Тима изумлённо оглядывался — зрелище было странное, более того — непонятное.

Перед ним расстилались лестницы. Бессчётное число лестниц. Широкие и узкие. Короткие и длинные. Витые и прямые. Пологие и крутые. Вверх, вниз, вбок и сбоку. Деревянные со скрипом. Мраморные с блеском. Ковровые бесшумные. С перилами и перильцами. С оградами и балюстрадами. Лестницы пересекались, переплетались, перегибались. Они словно вырастали одна из другой. Лестницы, лестницы, лестницы... Они занимали весь дворец и ни для чего другого не оставляли места.

— У меня сто две лестницы и четыре ступеньки, — гордо сказал Кляссер Второй. — А сто третья лестница целиком не поместилась, пришлось её закончить на крыше.

— И зачем столько лестниц на один дворец? — удивился Тима.

— О! Конечно же, для великолепия. Шествие по лестнице намного торжественнее, чем по ровному полу, — сказал Главный Советчик таким тоном, что сразу стало ясно, чья это выдумка.

Тут по всем лестницам вверх-вниз забегали люди. А на самой широкой показалась королева. Она по самые уши

испачкалась в муке, будто цирковой клоун перед выходом на арену. Руки её, по локоть залепленные чешуйками теста, напоминали двух толстых неуклюжих рыб.

— Наконец-то, — сказала королева ворчливым голосом. — Вечно опаздываете! Ватрушка почти готова. Мыть руки — и к столу!

— Опять мыть руки! — захныкал Кляссер.

— Ваше Величество, но ватрушка... — зашептал ему на ухо Главный Советчик.

— Ладно уж, — неохотно согласился король. — Только, чур, без мыла!

Главный Советчик взбежал на ступеньки широкой лестницы и торжественно прокричал:

— Время обеда!

Вдруг над их головой, на самой верхней площадке винтовой лесенки, появилась маленькая девочка в коротком лиловом платье и с бантом на макушке. Острые концы банта торчали, как две часовые стрелки. Послышалась песенка:

Короткие минутки
Слагаются в часы.
Отсчитывают сутки
Без устали часы.

Один и тот же круг
Обходят стрелки вечно,
И маятника стук
Нам кажется беспечным.

Невидимые мыши —
Колёсики шуршат.
Кто времени не слышит,
Тот пятится назад...

— Хватит! — грубо прервал девочку Кляссер, — надоели эти песенки!

— Тики-так, тики-тики-так, время обеда! — всхлинула девочка и застыла неподвижно.

— Кто это? — спросил Тима.

Классер небрежно махнул рукой.

— Девочка Тики-Так. Мои говорящие часы.

— Она живая?

— Не знаю. Не задумывался, — ответил король и весело запрыгал по ступенькам: — Обедать! Обедать!

Обедать, так обедать! Это занятие, вполне достойное короля.

Вдоль мраморной ковровой лестницы тянулся длинный стол. Он спускался ступеньками до самых дверей. Классер Второй уселся, конечно же, на самой верхней ступеньке стола. Пониже, на второй ступеньке, села королева. На третьей — Главный Советчик. На четвёртой — Королевский Угодник. На пятой — Тима. Ещё ниже — званые гости. А на самой последней ступеньке теснились незваные гости. Конечно, одной ступеньки им было маловато. Но это часто случается: про незваных гостей забывают, хотя их иногда больше, чем остальных.

Обед начался.

— Чур, я супу не буду! — занял капризным голосом Классер. — Мне сразу ватрушку!

Главный Советчик встал со своего места.

— Срочно нужна песенка для приятного аппетита, — сказал он. — Где Придворный Сочинитель?

— Я здесь! — крикнул Придворный Сочинитель, перегибаясь через баллюстраду над самым столом. — Песенка уже составлена!

И он запел, размахивая длинными руками:

Кошке в блюдечко налито,
А свинье — в её корыто...
Королю на стол накрыто.

А все подхватили хором:

Приятного аппетита!
Приятного аппетита!

— Дальше! Дальше! — потребовал Кляссер Второй.
И Придворный сочинитель продолжал:

Кошке в блюдечко накрыто.
Королю — в его корыто,
А свинье на стол налито.
Приятного аппетита!

Кляссер захлопал в ладоши.

— Прекрасно! Прекрасно! — повторял он. — Ватрушку Королевского Угодника отдать Придворному Сочинителю — он мне больше угодил сегодня!

От огорчения Королевский Угодник тут же начал худеть. Он худел прямо на глазах. Его круглый живот опадал, словно проколотый воздушный шарик.

— Ты слышал? — зашептал он Тиме. — Вчера ему присвоили звание Поэт Высшей Марки. Сегодня отдали мою ватрушку. А завтра я вообще стану ненужным. — Вдруг он

оживился. — Тима, ты уже выбрал марку в обмен на Главного Советчика?

— Нет, не успел ещё, — сказал Тима.

— Тогда бери Придворного Сочинителя!

Тима посмотрел на верхнюю площадку винтовой лестницы. Там всё так же неподвижно стояла Тики-Так.

— Скажите, — спросил Тима, — эта девочка Тики-Так живая?

— Не знаю, не интересовался, — рассеянно сказал Королевский Угодник.

ПУТЕШЕСТВИЕ В лужу

К

ляссер Второй дожевал свой обед, зевнул.

— Хочу послеобеденную историю, — захныкал он. — Где Великий Путешественник? Почему его нет за столом?

— Он опять забыл о еде, — презрительно усмехнулся Королевский Угодник. — Замечтался о своих путешествиях.

— Да, да, — подхватил Главный Советчик, — он сыт своими путешествиями.

— А я сыт по горло его историями, — проворчал Придворный Сочинитель. — Не понимаю, зачем нужен он, когда есть я?

— Позвать Великого Путешественника! — приказала королева.

Тима увидел маленького старичка с заляпанной сургучом бородой. Он спускался по боковой лестнице.

— Он, и правда, Великий Путешественник? — спросил Тима Королевского Угодника.

— Этого у него не отнимешь, — развёл руками Угодник. — Он, действительно, объехал все почтовые ящики мира на одном-единственном конверте с неправильным адресом.

Классер Второй забрался на трон с ногами и устроился поудобнее.

— Опять? Опять с ногами на трон?! — возмутилась королева. — Я утром его так чистила!

Король испуганно спустил ноги на пол. Великий Путешественник остановился и, не дожидаясь пока его попросят, громко сказал:

— Рассказ о путешествии в Страну Отражений!

Он заходил вдоль стола, то поднимаясь по ступенькам, то медленно спускаясь.

Коричневые сургучные штемпеля похрустывали в его спутанной бороде.

— Всё началось с того, — начал Великий Путешественник, — что почтальон уронил мой конверт в лужу. Он нагнулся, протянул руку и ухватил конверт за угол. Вдруг я почувствовал, что меня не вытаскивают из лужи, а, наоборот, тянут под воду. Почтальон почему-то стоял где-то на дне лужи...

— Позвольте! — закричал я. — Вы меня утопите!

— Не волнуйтесь, — сказал почтальон, — вы в Стране Отражений. Здесь невозможно утонуть.

И тут я с изумлением увидел, что он весь наоборот. Да, да, совершенно наоборот: правое ухо слева, а левое — справа, руки у него тоже поменялись местами. А ноги выглядели так, будто он утром перепутал левый и правый ботинки.

Нас окружали перевёрнутые дома. Возле них росли странные деревья. Они упирались в землю своими разлапистыми кронами, устремив к нему длинные, как слоновьи хоботы, стволы. Стволы медленно раскачивались от малейшего ветерка. Солнце всё время расплывалось и дрожало, словно желток на блюдецке.

Почтальон прочитал адрес на моём конверте и уверенно зашагал по улице.

«Хм, — подумал я, — непонятно. Обычно почтальоны смущённо вертели конверт и разводили руками. Ведь на нём

был написан совершенно неправильный адрес. Такого адреса просто быть не может. Как же так?»

И тут я понял: в Стране Отражений всё перевёрнуто. И неправильный адрес может оказаться правильным! И тогда... тогда конверт разорвут, достанут письмо, а я не смогу продолжать путешествие.

Вот почтальон остановился перед большим голубым домом. Дом стоял вниз головой, вернее вниз крышей, прочно опираясь на трубы и чердачные выступы. Почтальон прочитал адрес на конверте, взглянул на номер дома и сказал:

— Адрес неправильный. Придётся отправить письмо обратно.

И тут я догадался: если перевёрнуты дома, то и номера перевёрнуты! Какое счастье, что в Стране Отражений наоборот всё, всё без исключения! Вдруг я опять оказался в луже. Подо мной расплывалась кругами Страна Отражений. Кто-то поднял конверт из лужи и отряхнул с него капельки воды. Это был почтальон. Уши, руки и ноги у него были на месте. Я посмотрел по сторонам. Вверху, над крышами домов, торчали трубы. Деревья, как обычно, упирались стволами в землю, покачивая большими зелёными головами. В небе светило солнце — твёрдое и блестящее, как медный таз.

«Путешествие продолжается», — подумал я и спокойно уснул, покачиваясь в удобной почтовой сумке.

Великий Путешественник умолк. Тима тронул его за плечо:

— Скажите, пожалуйста, — спросил он, — эта девочка-часы Тики-Так живая?

Великий Путешественник сорвал с бороды обломок сургучной печати, сунул его в рот и задумчиво пожевал.

— Не знаю, — сказал он равнодушно, — для путешественника это не имеет ни малейшего значения.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТРОЧЕК

о ступенькам спускался, напевая песенку, Придворный Сочинитель. Он даже не напевал, а бормотал, но что-то можно было всё-таки расслышать:

Жили-были дед да баба,
Били кашу молотком.
Били-били, не тужили,
Запивали молоком.

Он на минутку замолчал, запихнул в рот ватрушку и стал быстро её жевать.

— Вы сочиняете новые стихи? — спросил Тима.

Придворный Сочинитель вздрогнул и чуть не подавился ватрушкой.

— Новые? — рассердился он. — В королевстве старых марок новые стихи? Какие глупости! Все мои новые стихи — старые.

— Как же так? — не понял Тима. — Новые — и вдруг старые?

Придворный Сочинитель гордо прищурился и посмотрел на Тиму по-птичьи сбоку одним глазом.

— Я давно уже издал полное пожизненное собрание строчек, — сказал он. — Теперь я просто беру свои старые

строчки, переставляю их и составляю новое, но всё-таки совершенно старое стихотворение!

И Придворный Сочинитель зашагал дальше, напевая:

Били кашу дед да баба.
Жили-были молотком.
Ели-пили, не тужили,
Забивали молоком.

— Эй, послушайте, — остановил его Тима, — может быть, вы знаете, живая эта девочка Тики-Так или нет?

— Не знаю, — небрежно сказал Придворный Сочинитель. — Я ничего, кроме своих строчек, не знаю и знать не хочу.

**ни Звук!
ни слова!**

тики-Так по-прежнему стояла на винтовой лестнице и мерно покачивала головой — то ли песенку про себя напевала, то ли отсчитывала секунды: тики-таки-тики-так!

«Странно, — подумал Тима. — Никто не хочет ответить, живая это девочка или просто часы? Сейчас сам узнаю!»

Он мгновенно пронёсся по лестницам, взлетел по винтовым спиральным ступенькам, оказался около Тики-Так и взял её за руку.

— Девочка, ты живая или просто часы? — спросил Тима. Тики-Так вздрогнула.

— Тики-так, тики-так, — всхлипнула она, — я не знаю, я боюсь.

— Живая! Настоящая девочка! — воскликнул Тима. — Эй, король! Кляссер Второй! Если ваши часы испорчены, так почините их! Нечего заставлять девочку считать время!

Слова его гулко раскатились по всему дворцу, запрыгали по ступенькам, отдаваясь в каждом уголке. Словно на большой звонкий барабан грохнулась груда арбузов:

— Вр-ремя! Врр-ремя!

Все замерли. Кляссер застыл с раскрытым ртом, лицо его посерело от злости и стало похоже на дырявый рогожный мешок.

— Тсс! — прошептал Главный Советчик. — О времени ни слова! О часах ни звука!

Он поманил Тиму пальцем, подождал, пока тот сбежит вниз, и потащил подальше, в самый тёмный угол под лестницей.

— Глупый мальчишка! — зашептал Главный Советчик. — Неужели ты не понимаешь? Время движется вперёд. День за днём.

— Чего ж тут не понимать?! — пожал Тима плечами.
— Но каждый день приносит что-то — брр-новое! А это очень опасно!

— Наоборот, новое — всегда интересно! И какие слова замечательные — новость, новенькое или вот это — обнова!

Главный Советчик испуганно замахал на него руками.

— Что ты! Если обновится наше Королевство Старых Марок, то может устареть... король! — Тут Главный Советчик покрутил своим кривым пальцем перед самым носом Тимы: — Но этого не произойдёт, потому что мы уже остановили время!

— Остановили? — поразился Тима. — Ерунда! А что же тогда считает Тики-Так?

— Она объявляет обед, ужин, сон. Обед, ужин, сон. Всегда одно и то же. Всегда одно и то же. Время остановилось. Но этого мало. Мы теперь заставим время идти назад!

Главный Советчик бросил Тиму и побежал к королю.
— Ваше Величество! Этот старый Часовщик всё ещё упрямится? Так я сам придумал, как пустить время назад! Кляссер Второй затопал ногами от радости.
— Эй, стража! Привести Часовщика! — закричал он.

СЕРЕБРЯНЫЕ КОЛЁСИКИ ВРЕМЕНИ

то был старый Часовой Мастер. Никто, кроме него, не знал секрета тугих пружин и серебряных колёсиков времени. Любые самые испорченные часы оживали в его руках. И вот теперь эти руки связали. И связанные, они не могли ни чинить, ни заводить часы. Все часы в Королевстве Старых Марок постепенно остановились, заржавели, и их, как ненужный хлам, выбросили. А Тики-Так, внучку старого Часовщика, заставили объявлять время обеда, ужина, сна. Ведь дедушка научил её когда-то отсчитывать секунды, минуты, часы.

Теперь Тики-Так видела, как её дедушку Часовщика тащили два грубых стражника. Она ахнула и закрыла лицо ладонями.

— Повелеваю тебе, Часовщик, пустить время назад! — важно сказал Кляссер Второй.

Старый Часовщик покачал головой.

— Заставить время двигаться назад невозможно, — сказал он, — не надейтесь, вам это не удастся.

— Не удастся? Ха-ха! — расхохотался Главный Советчик. — Я тебя научу. Заставь стрелки ходить в обратную сторону. Вот!

— Можно, конечно, заставить стрелки ходить в обратную сторону, — усмехнулся Часовщик, — но от этого время не повернётся вспять. Часы не управляют временем. Они его только отсчитывают.

— Но я, король, приказываю! — завизжал Кляссер Второй.

— Серебряные колёсики времени не подчиняются даже королям! — твёрдо ответил Часовщик.

— Ах так! — завопил Кляссер. — Схватить его! Связать! Заточить!

— Дедушка! — заплакала Тики-Так.

— Стойте! — крикнул Тима. — Отпустите его!

Он хотел броситься на стражников, но Главный Советчик снова схватил его за рукав и потащил за собой в самый-самый дальний, в самый-самый тёмный, в самый-самый мрачный угол.

— Не торопись, Тима, — сказал он, — есть дела и поважнее.

МАРКА В ОБМЕН

Главный Советчик прислушался. Потом быстро заглянул под лестницу. Там было темно. Он пощупал темноту руками, приложил палец к губам.

— Тсс! — сказал он и поволок Тиму дальше.

— Пустите! — вырывался Тима. — Куда вы меня тащите?

— Не люблю, когда мои советы слушают посторонние. А я собираюсь дать тебе хороший совет. Ты хочешь выбрать самую лучшую марку? Так бери короля!

Тима так и застыл от удивления.

— Короля? — переспросил он. — Вы против короля?

Главный Советчик захихикал:

— Ну что ты! Как можно? Просто мне совершенно необходимо самому стать королём. У меня же большая семья — восемь сыновей! — Главный Советчик вдруг жалостно захлопал носом. — Бедные мальчики! Представляешь себе, никто из них ни разу не был королевским сыном. Их и так уже дразнят все мальчишки с соседних улиц. Бери, бери короля, не пожалеешь.

— Да не нужен мне ваш король! — презрительно отмахнулся Тима. — Вот пристали! Чем он, ваш король, такой замечательный? Может, он открытие какое сделал? Или изобрёл чего-нибудь? Или в космос полетел? И ничего такого он не может! Так себе, королишко какой-то.

Маленькие глазки Главного Советчика сузились и сверкнули из-под бровей, как две булабочные головки.

— Что? Ах вот оно что! — захрипел он и с криком: — Караул! То есть король! То есть караул! — помчался по лестницам.

Он потерял на ходу одну туфлю, но не остановился и, продолжая выкрикивать несвязные слова, скрылся за поворотом боковой лестницы. И долго ещё его босая нога шлёпала по ступенькам, как мухобойка.

«СХВАТИТЬ, СВЯЗАТЬ, ЗАТОЧИТЬ!»

К

ляссер Второй сидел на ступеньке с круглым зеркалом в руках. Он кривлялся, показывал сам себе язык, строил рожи. Он раздувал щёки и становился похож на чайник с кривым носиком, он двигал ушами и превращался в растрёпанный кочан капусты. Он морщил нос, зажимуривался, и его физиономию нельзя было уже отличить от гнилой картофелины. А когда Кляссер переставал строить рожи, он становился похож сразу и на чайник, и на капусту, и на гнилую картофелину.

— Кара-ку-куль! Ку-ка-ре-куль! — просипел охрипший от крика Главный Советчик.

— Я занят, — сказал Кляссер, глядя в зеркало, — не видишь разве? Я занят собой. Не мешай.

— Но этот мальчишка сказал, что вы... — Главный Со-

ветчик отдышался и выпалил: — Он сказал, что вы ни такой и ни сякой!

Классер Второй опешил.

— Так и сказал?

— Почти так. Вернее, так непочтительно! — прошептал Главный Советчик.

Классер Второй отшвырнул зеркало. Оно покатилося по лестнице, роняя на ступеньки быстрых солнечных зайчиков. И зайчики гурьбой неслись вслед за кувыркающимся зеркалом.

— Схватить! — закричал Классер Второй. — Связать! Заточить!

— С удовольствием! — обрадовался Главный Советчик. — Бегу!

Классер зевнул.

— Постой, — сказал он. — И я с тобой. Вдвоём всё-таки веселее.

Как только Главный Советчик скрылся за поворотом лестницы, Тима огляделся по сторонам. Он остался один. Тики-Так куда-то исчезла...

— Мальчик, послушай, мальчик, — услышал он шёпот позади себя.

Тима оглянулся.

Перед ним стоял Великий Путешественник.

— Я прослышал, что ты ищешь марку в обмен на Главного Советчика, — сказал он. — Не думай долго. Возьми меня.

Я, конечно же, стар и немного потрёпан. — Великий Путешественник оглядел себя. — Да, я потрёпан годами и путешествиями, но ты, наверное, слышал, что я объехал все почтовые ящики мира. Сквозь щели этих ящиков я многое повидал. Я видел жизнь. Да, я видел жизнь разных стран и народов. Мне есть что порассказать.

— Что же можно увидеть сквозь узенькую щёлку? — рассмеялся Тима.

— Всё! — ответил Великий Путешественник. — Всё, что из неё видно. Главное, устроиться поверх всей груды писем, поближе к щели. Однажды я даже видел глаз мальчишки, заглянувшего в почтовый ящик. Возьми меня. Ты не соскучишься, а мне, может быть, удастся ещё немного попутешествовать.

— Скажите лучше, где Тики-Так? — перебил его Тима. — Куда они увели Часового Мастера?

Великий Путешественник так затряс бородой, что с неё посыпались острые сургучные крошки.

— Какое мне дело до какого-то мастера? Что мне эта Тики-Так? Я хочу путешествовать. Я хочу видеть жизнь. А мелочи её меня не интересуют.

Возмущённый, он забыл про Тиму, потащился вверх по своей боковой лесенке. И долго ещё слышалось его недовольное ворчание:

— Тики-Так. Часовой Мастер. Что они видели? Что знают? А мне многое открыли щели почтовых ящиков, когда они не были закрыты.

Тима снова остался один. Куда идти? Где искать Тики-Так?

Наступал вечер. Под потолком, за изгибами лестниц и в углах начали собираться лёгкие полупрозрачные тени, словно кто-то развешивал тонкие занавески. Вокруг была тишина. Только изредка поскрипывали, рассыхаясь, гладкие деревянные перила.

«Куда идти? Где искать Тики-Так? Как освободить Часового Мастера?» — снова и снова думал Тима.

И тут он услышал шаги. Он повернулся, думая, что это опять Великий Путешественник. Но рядом стояла Тики-Так. Она пробежала по каким-то переходам и лесенкам и неожиданно появилась перед Тимой.

— Тима, — быстро проговорила она, — они хотят тебя схватить, связать, заточить! Убегай скорей!

— Нет, — упрямо сказал Тима. — Я не стану убегать. Сначала нужно освободить Часового Мастера.

В этот момент на всех лестницах затопали, зашлёпали, захлопали, загрохали, зацокали башмаки, каблукки, сапоги и даже ночные туфли.

— Ага, попались! — раздался чей-то злорадный голос.

Главный Советчик стоял над ними на узкой висячей площадке. Тики-Так схватила Тиму за руку и потянула за собой по железной винтовой лестнице. Высокие крутые ступеньки звенели и прогибались под ногами.

Главный Советчик перегнулся через перила и закричал:

— Эй, вы, я вам советую послушаться моего совета и не убегать! Всё равно... Ай-ай!..

Он остуился и, не успев договорить, покатился с лестницы. Он кувыркался, как клоун.

— Бам! Бам! Бам! — стучала голова по ступенькам.

— Ди-лим! Ди-лим! — выстукивали коленки.

— Бам! Ди-лим! Ди-лим! Бам! Ди-лим! Ди-лим!..

— Плямс! — Главный Советчик оказался на нижней ступеньке. Он потёр ушибленные бока, помотал головой и стал сдирать с лица налипшую бороду пыли.

Тем временем Тима и Тики-Так пробежали по длинной площадке и попали на широкую лестницу, покрытую мягким ковром. Лестница упиралась в дверь. Тима толкнул её, створки распахнулись, и они оказались на улице.

ПЕСКИ И СНЕГА

лица, на которую попали Тима и Тики-Так, была перегорожена рядами марок. Одна за другой, будто запертые ворота, во всю ширину улицы стояли марки с африканскими джунглями и с белыми айсбергами, с пустынными песками и с морскими волнами. На улице пахло одновременно бананами, кокосами, морем, холодными снежными ветрами. Слышались базарные крики попугаев, шорох песков и удары волн о камни. До Тимы и Тики-Так долетали мелкие брызги, на губах скрипел песок, иногда над головой вихрем проносились струйки снежинок, похожие на хвост растаявшей кометы. Тики-Так остановилась.

— Ой, мы пропали! Здесь нас сразу поймают!

— Ничего. Как-нибудь пробьёмся, — сказал Тима.

Он подбежал к жёлтой пустынной марке. Она, словно подъёмный мост, опустилась перед ним, и проёмом ворот теперь высилась только белая зубчатая рамка. Тима ринулся в этот проём и тут же увяз в сыпучем горячем песке. Из-под ног брызнули в стороны сухие ящерицы и какие-то

мохнатые пауки. Белое раскалённое солнце обожгло лицо.

— Да, — сказал Тима, — по этим пескам далеко не убежишь.

Он оглянулся. Позади с гиканьем, взмахивая руками, бежали их преследователи. У Придворного Поэта веером вылетали из кармана узкие полоски строчек. Главный Советчик что-то кричал и грозил кулаком. Король Кляссер Второй путался у всех под ногами и хватал бегущих впереди за рукава.

— Скорее, Тики-Так. Скорей, — сказал Тима и потянул уставшую девочку за собой.

— Ой, смотри, верблюд! — крикнула Тики-Так.

Мимо них медленно двигался верблюд. Его мохнатые горбы были похожи на две азиатские папахи, нахлобученные почему-то на спину.

— Садись на него верхом, — сказал Тима.

Они вскарабкались на спину верблюду, крепко ухватились за жёсткие мохнатые горбы-папахи. Верблюд как ни в чём не бывало продолжал так же медленно и важно шагать сквозь пустыню. Тут к проёму марки подоспела погоня.

— Верблюда! Подать верблюда! — кричал Кляссер Второй.

Но на этой марке был только один верблюд, и на нём уже уехали Тима и Тики-Так. Они весело рассмеялись, увидев, как король и его придворные барахтаются у подножия песчаного бархана. Они теряли свои сапоги и туфли, падали, ползали на четвереньках. Рот их набивался песком, они чихали и отплёвывались.

А Тима и Тики-Так тем временем пересекли пустыню, прыгнули с верблюда и снова оказались на улице.

Впереди маячила голубая океанская марка. Где-то на горизонте мелькнул кит. Над его головой, наподобие королевских усов, стояли завитки фонтана.

— Ни одного кораблика, — растерянно сказал Тима, — океан нам не переплыть.

Вдруг они услышали пронзительный свист. Из воды колесом вылетел дельфин, нырнул, потом снова вынырнул и уже покачивался у самого берега, будто лодка.

Не раздумывая, Тима и Тики-Так уселись на его скользкую спину, крепко ухватились за острые плавники.

Дельфин стремительно понёсся вперёд. Казалось, теперь они спасены. Но Главный Советчик, стряхивая с себя песок, подбежал к воде и крикнул:

— Не отставать! Здесь есть отмели и коралловые рифы. По ним мы перебежим океан!

И он смело вошёл в волны океана. Все остальные потянулись за ним. Тима видел, как они, перепрыгивая с камня на камень, окунаясь по пояс в воду, булькая и отфыркиваясь, медленно передвигались в глубь океана.

— Ха-ха-ха, Тики-Так, ты только посмотри, они хотят пешком перейти океан! — засмеялся Тима. — Теперь им нас никогда не догнать!

— А я боюсь, что они нас догонят, — сказала Тики-Так. — Ведь это только кусочек океана. То, что уместилось на марке. Видишь, мы уже и переплыли его.

Она соскочила с дельфина и оправила помятое платье. Тима тоже прыгнул на берег и помахал дельфину рукой. Но до конца улицы было ещё далеко. Теперь путь им преграждала марка, снизу доверху набитая снегом и льдами. Из неё, как из раскрытого холодильника, веяло морозным воздухом.

— Не простудишься? — заботливо спросил Тима.

— П-постараюсь, — ответила продрогшая Тики-Так.

И они смело двинулись в ледяную равнину. Полпути

они бежали, что было духу и даже не очень замёрзли. Но вот льдины резко вздыбились. Получилась почти неприступная ледяная гора. Тщетно Тима попытался взобраться на неё. Он скользил и скатывался вниз снова и снова.

Из-за обломка льдины выставил свою курносую усатую морду любопытный морж. Из круглой пасти его, как две громадные зубочистки, торчали жёлтые бивни.

— Тима! Морж! — крикнула Тики-Так.

— Он-то и перетащит нас через эти льды, — обрадовался Тима.

Но как только он попытался приблизиться к моржу, тот попятился и бесшумно скрылся в тёмной полынью. Тики-Так жалобно вскрикнула. Тима растерянно смотрел на неприступную ледяную гору. Вдруг он сел прямо в снег и стал снимать ботинки.

— Что ты делаешь? Замёрзнешь! — испугалась Тики-Так.

— Садись и тоже снимай туфли, — весело сказал Тима.

Он снял один ботинок, встряхнул его, и на снег потекла тоненькая струйка песка.

— Пока шли через пустыню, набились полные ботинки песка, — засмеялся Тима. — Теперь только посыпай впереди себя песок, как дворник, и хоть на Памир взбирайся!

Они набрали полные горсти песку и быстро стали карабкаться на гору. Позади них оставалась жёлтая песчаная дорожка. С противоположного склона они съехали на корточках и пулей вылетели из марки на улицу.

— Не теряй времени, Тики-Так! — крикнул Тима. — Впереди последняя марка. Проскочим её побыстрее. А Кляссер пусть барахтается в снегу и катится с горы, как пустая бутылка!

Но Тики-Так застыла на месте. Она молча показывала рукой на эту стоявшую перед ними марку. Посреди неё, расставив локти, торчал щекастый усач в короне.

— Хе-хе-хе, — хихикал он. — Я двоюродный прадедушка нынешнего короля Кляссера Второго. И не позволю, чтобы над моим двоюродным правнуком насмеялись!

Деваться было некуда. Позади уже приближалась улюлюкающая свора стражников и придворных. Впереди загромождал дорогу ухмыляющийся прадедушка. Тики-Так села на землю и заплакала. Тима безнадежно оглядывался по сторонам. Вдруг он заметил узкий, похожий на щель между домами, переулочек.

— Сюда! — скомандовал Тима, и они с Тики-Так нырнули в холодную тень переулка. Навстречу им шёл какой-то человек.

х, как этот человек любил, чтобы его хвалили! Он просто жить без этого не мог. Ни есть, ни пить. Даже галстук купить был не в состоянии, если его долго не хвалили. Ведь от каждой похвалы у него на щеках расцветали розы. А за букет роз хорошо платят. Особенно зимой.

Так и жил этот человек Бутон. Похвалят его — он сыт и весел. Отругают — он голоден и зол. Но сегодня чудесный день! Бутон получил столько похвал, что хватит, пожалуй, до следующей недели. Во-первых, от прохожего, который его совсем не знал. Во-вторых, от приятеля, который его знал уж слишком хорошо. Потом от соседки, от старушки, от хромой собачонки, от хозяина хромой собачонки. Бутон шёл и улыбался. От этого розы на его щеках становились совсем пунцовыми.

«Интересно, — думал Бутон, перевязывая розы шёлковой ленточкой, — сколько сегодня стоят густо-пунцовые розы?»

И в этот момент он увидел Тиму и Тики-Так.

— Куда вы спешите, дети? — спросил он в надежде на очередную похвалу.

— Ой, за нами гонятся! — сказала Тики-Так.

Издали показалась толпа стражников. Они подталкивали друг друга, ссорились на ходу и, словно гончие псы, поводили носами во все стороны.

— Спрячьте её, а я постараюсь задержать их, — сказал Тима.

Бутон поднял правую бровь и растерянно поглядел на Тиму и Тики-Так.

— Ну, что же вы стоите?! — закричал Тима. — Скорей! Скорей!

— Я жду, — сказал Бутон, — слишком долго я жду ваших похвал.

Он потрогал свои щёки. На них вместо роз торчали редкие волоски, похожие на колючки.

— Ах так! — сказал Бутон, — я не слышу ни одной даже самой ничтожной похвалы? Вы меня не хвалите, значит, вы меня не интересуете.

Он презрительно взглянул на Тиму и отвернулся.

— Вы злой, нехороший человек, — сказала Тики-Так.

Тут розы в руке Бутона наклонили свои головки. Лепестки их растаяли, как мороженое. Через несколько секунд от пунцовых роз остались тоненькие чёрные прутики, которые очень напоминали пучок волос.

— Мои розы завяли от её слов! — в ужасе закричал Бутон. — Эй, стража, вот они! Держите этих грубиянов!

Стражники уже были рядом. Они схватили Тиму.

— Беги, Тики-Так! — крикнул Тима. — Спасайся!

Но было поздно. Какой-то стражник подхватил Тики-Так, поднял её над головой и понёс...

ТРЕУГОЛЬНИК НЕБА

— Где мы? — спросила Тики-Так. — Здесь так темно! Тима ощупал стены, пол.

— Как низко потолок! — удивился Тима.

Он провёл руками над головой. Потолок напоминал растянутую гармошку.

— Странно, — сказал Тима, — как будто лестница вверх наизнанку.

— Ой, я, кажется, догадалась! — воскликнула Тики-Так. — Это Тёмная Ступенька под крышей. Меня часто сюда сажали, когда я забывала тики-тики-тики-такать.

Тики-Так забилась в угол и поджала ноги.

— Я боюсь, — прошептала она, — здесь живут пауки и мыши.

— Мыши? — сказал Тима. — Это хорошо! Просто замечательно!

— Ты любишь мышей? — поразились Тики-Так.

— Тише! — Тима приложил палец к губам.

Сверху послышался шорох и поскрёбывание. Тики-Так затаила дыхание. Шур-шур — снова раздалось у них над головой. Может быть, мыши перешёптывались между собой, а может, просто шуршали хвостами по крыше?

— Ага, вот они мыши, мышиные норки, мышиные щёлки, — засмеялся Тима. Он придвинулся к Тики-Так и зашептал ей в самое ухо: — Мыши знают выход наружу. Следи, откуда они появятся.

Вдруг узкая полоска серого вечернего света проникла в щель. Но Тиме и Тики-Так в темноте она показалась ослепительной.

— Ой! — вскрикнула Тики-Так и закрыла глаза рукой.

Мыши в панике забегали по крыше. Раздался дробный

стук их лапок, словно просыпалась горсть гороха. Тима бросился к щели.

— Тут прогнившая доска, — сказал он.

Тима нажал плечом на доску. Доска закрипела на ржавых гвоздях и чуть-чуть подалась.

Вдруг кто-то приник к щели снаружи и закашлялся.

— Кхе-кхе! Кто здесь? — спросил чей-то тихий голос.

Тима отпрянул в темноту.

— Стражники! — прошептал он. — Эх, всё пропало!

— Нет, не пропало! — крикнула Тики-Так. — Это дедушка! Я его узнала по голосу! Дедушка, помоги нам!

— Я тоже заперт рядом за стенкой, — сказал старый Часовщик. — Попробуем вместе выломать эту доску. Она, по-моему, ведёт на чердак.

Тима и Тики-Так налегли на гнилую доску с одной стороны, Часовщик — с другой. Раздался пронзительный долгий скрип, доска отлетела, и они увидели в про свете треугольник фиолетового вечернего неба и кусок громоздкой кирпичной трубы.

ВЕРТОЛЁТ В КАРМАНЕ

з чердачного окна нелепо торчал, упираясь прямо в тёмное небо, кусок лестницы. Четыре ступеньки, похожие на язык, высунувшийся из пасти чердака.

— Это сто третья лестница, что не уместилась во дворе, — догадался Тима. — Повезло нам. Скорей на крышу!

Он протянул руку Тики-Так. Вслед за ними на крышу, кряхтя, выбрался старый Часовщик.

— Как высоко! — испугалась Тики-Так.

— Держись за трубу! — сказал Тима.

— Не смотри вниз, — сказал Часовщик, — голова закружится.

Но Тики-Так уже приподнялась на цыпочки и заглянула через парапет на улицу. Стражник, который, задрав голову, считал звёзды, увидел её.

— Стой! — раздался его визгливый пронзительный голосок.

И тут же басом его поддержал другой стражник.

— Сто-ой-ой! — разнеслось по двору.

Начался переполох. Заскрипели, завизжали, задребезжали, застонали ступеньки. В чердачное окно протиснулись сразу несколько голов. Они раскачивались на вытянутых шеех, будто целый пучок овощей. Корявые, как картошка. Красные, как редиска. Лысые, как луковица.

Первой подала голос голова-репа:

— Пустите меня! Я их поймаю! Я раньше всех прибежал!

— Как! Раньше короля? — завопила голова-картошка.

— Ой, мне ногу отдавили! — пищала лысая голова-луковица.

— Я застрял! Хватайте их! — орала голова-редиска.

Старый Часовщик подтолкнул Тиму и Тики-Так вперёд.

— Спасайтесь! — сказал он. — Я их задержу.

— Нет! — крикнул Тима. — Я вас не оставлю.

В густых сумерках труба, чердачные выступы, какие-то башенки на крыше расплывались, сливаясь в одно тёмно-синее пятно.

— Ой, совсем темно! — сказала Тики-Так. — Я боюсь упасть!

— Ничего, — успокоил её Тима, — у меня где-то есть кусок бечёвки — змея вчера запускал. Я привяжу тебя к своему поясу.

Тима на ходу пошарил в кармане курточки. Вместо бечёвки он вдруг вынул из кармана какой-то гладкий бумажный квадратик.

— Марка, — сказал Тима удивлённо. — Вертолёт на марке. Ух ты! Он движется!

Вертолёт плавно скользнул по нарисованному на марке небу и, увеличиваясь, загудел над самой крышей. Лётчик открыл дверцу и сбросил верёвочную лестницу.

— Прощу в кабину! — сказал он.

Из чердачного окна, расталкивая всех локтями, выкарабкался, наконец, король Кляссер Второй. За ним на четвереньках выполз Главный Советчик.

— Держите их! Ловите их! — кричал Главный Советчик.

— Попробуйте поймать! — засмеялась Тики-Так, высушившись из кабины вертолѐта.

— Время! Наше время! Тики-Так! — завопил Кляссер Второй.

— Ваше время прошло! — сказал Тима и захлопнул дверь кабины.

Вертолѐт стремительно понёсся вверх. Королевский дворец с множеством лестниц, с Главным Советчиком, обнявшим дымовую трубу, с Королевским Угодником, застрявшим в чердачном окне, с Кляссером Вторым в его коротких штанишках, с Придворным Сочинителем, растерявшим все свои строчки, стал уменьшаться, уменьшаться. И вот уж всё это не больше квадратика затёртой марки, прилепленной к странице старого пыльного альбома.

А Тики-Так и Тима в кабине вертолѐта пели любимую песенку старого Часовщика:

Можно время обогнать.
Можно в ногу с ним шагать.
Но его не обмануть
И назад не повернуть!

Оглавление

Великий и единственный	3
Улыбки. Ахи. Охи	5
Сто две лестницы и четыре ступеньки	8
Обед	13
Путешествие в лужу	16
Полное собрание строчек	20
Ни звука! Ни слова!	22
Серебряные колёсики времени	24
Марка в обмен	26
«Схватить, связать, заточить!»	28
Погоня	29
Пески и снега	32
Бутоны	39
Треугольник неба	41
Вертолёт в кармане	44

Художники

Е. Чайко и М. Гран

Для старшего дошкольного возраста

Леонид Львович Яхнин

СЕРЕБРЯНЫЕ КОЛЕСИКИ

ИБ № 70 456

Редактор Э. Степанова. Художественный редактор Г. Кон-
телова. Технический редактор Н. Житенёва. Корректор
С. Белякштан. Сдано в производство 19/II-77 г. Подписа-
но в печать 21/VI-78 г. Ф. 84×108/16. Офс. № 1. Печ. офс.
Проект журнальный. Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 3,25. Ум-
реж 180 000. Изд. № 5027. Заяв. № 841. Цена 40 коп. Изда-
тельство «Малыш». Москва, К-85, Бутырский вал, 68. Нахимовский
отдел Трудового Красного Знамени полиграфического детского
литературного издательства СССР. Регистрант: полиграфическая Госком-
паката РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 48.

3 1982-300
M162(78)-75 68-78

© Издательство «Малыш» 1979